

— Ты уверен? — он сделал шаг вперед, намереваясь схватить Ци Шуана.

— Нет-нет-нет, учитель, вы не так поняли! — в панике воскликнул Ци Шуан.

— Тогда почему ты прячешься от меня?

Ци Шуан закатил глаза и подобострастно произнес:

— Учитель, я ведь еще не оправился от ран, от меня сильно пахнет лекарствами. Разве прилично, если этот запах перейдет на вас?

Мастер Цинфэн долго пристально смотрел на него, а Ци Шуан лишь поднял взгляд к небу.

— Глупыш... — Мастер Цинфэн вдруг мягко и светло улыбнулся, словно треснул лед на весенней реке. Он протянул руку, нежно погладил Ци Шуана по щеке и склонился, заглядывая в глаза своему младшему ученику.

Ци Шуан отчетливо видел в его взгляде обожание, а глубоко на дне — нечто такое, от чего по спине пробежал холодок.

— Учитель просто задержался, возвращаясь на гору, а ты уже дуешься. Ну ладно, ладно, учитель просит прощения. Впредь я ни за что не буду опаздывать, буду возвращаться пораньше, чтобы составить тебе компанию, хорошо?

Он легко подхватил Ци Шуана на руки и усадил к себе на колени. Ци Шуана охватил ужас, он оказался в плену холодного аромата, исходящего от наставника, и не мог даже пошевелиться.

— Учитель очень скучал по тебе... — Мастер Цинфэн прищурился, едва касаясь губами тонкой белой кожи на затылке юноши.

— У-учитель! Я тоже скучал! Давайте сначала войдем в дом!

Ци Шуан подскочил, будто сел на иголки, и пулей бросился внутрь.

Мастер Цинфэн не стал его ловить, лишь проводил взглядом его спину.

Вернувшись и присмотревшись, он понял, что младший ученик стал непослушным. Было ясно, что тот забыл слова, сказанные ему перед спуском с горы. Раз так, придется как следует его наставить.

Ци Шуан прислонился к двери, тяжело дыша; холодный пот пропитал его нижнее белье.

Это ужасно, как он мог...

— Ты боишься того, что учитель собирается с тобой сделать? — холодный голос раздался у него за спиной.

Ци Шуан резко обернулся.

Мастер Цинфэн смотрел на него сверху вниз, его зрачки казались бездонными.

— Ты забыл, что я сказал тебе перед уходом, верно? — он прищурился и властно приподнял маленький подбородок Ци Шуана.

Ци Шуан сделал озадаченное лицо:

— Учитель, не понимаю, о чем вы? Вы что-то поручали? У меня плохая память, я забыл, совсем забыл.

— Ради того, чтобы оттянуть время, ты даже нарочно позволил себя ранить... Шуан-эр, я почти восхищен тобой. — Мастер Цинфэн обнял Ци Шуана за талию, прижимая к себе. Его тон был неспешным, но давил на юношу всей тяжестью.

— Шуан-эр, ты ведь мог увернуться от меча своего старшего брата. — Мастер Цинфэн понизил голос и прошептал ему на ухо: — Даже если он обладает выдающимся талантом и может унаследовать мое мастерство, но... — он с улыбкой смаковал страх своего ученика, — в искусстве движения ты далеко превосходишь его.

Ци Шуан, обладая посредственными способностями и не желая прилежно учиться, прекрасно знал свои возможности, поэтому специально тренировался в бегстве. Его мастерство в этом было столь высоко, что даже старший брат не догадывался.

Но эти уловки не могли обмануть Мастера Цинфэна.

Если бы Ци Шуан не подставился нарочно, Юнь Сижань не смог бы ранить его так глубоко. Это крайне раздосадовало наставника: он знал своего маленького ученика лучше всех — тот любил поесть и повеселиться, был по-детски нежен и совсем не терпел боли. Как же больно ему было, когда клинок вошел так глубоко?

Однако он стерпел, лишь бы сбежать от него.

— Ты умный ребенок и достаточно смелый, — он тихо вздохнул, с жалостью глядя на Ци Шуана. — Думаешь, сможешь прятаться вечно?

Ци Шуан отвернулся, словно готовясь к смерти.

— Чего ты боишься... — длинные пальцы Мастера Цинфэна выбрались из рукава и коснулись щеки юноши. — Что плохого в парном совершенствовании со мной?

Словосочетание парное совершенствование, слетевшее с его губ, заставило Ци Шуана вздрогнуть. В его глазах вспыхнул гнев, он с силой оттолкнул наставника, заставив того пошатнуться. Резкое движение потревожило еще не зажившие раны, и теплая кровь вновь начала проступать наружу.

— Не дергайся! — Мастер Цинфэн схватил Ци Шуана, уложил на кровать и быстро распахнул его окровавленную одежду.

Из складок ткани выкатилось странное серое существо размером с ладонь, издавая тонкий писк.

Ци Шуан в панике попытался поймать его, но Мастер Цинфэн опередил его, ухватив за хвост и подняв в воздух.

— И-я-я-я! — существо отчаянно задергалось, протягивая к Ци Шуану свои мягкие лапки.

— Твой духовный зверь? — Мастер Цинфэн нахмурился. В нем не было ни капли духовной энергии, и даже он не мог определить, что это за вид.

Ци Шуан в ярости крикнул:

— Отдай!

Его гнев и испуг вызвали у Мастера Цинфэна раздражение. Неужели он так разговаривает с ним из-за какой-то второсортной твари?

Заметив, как помрачнело лицо наставника, Ци Шуан испугался и, сменив тон, взмолился:

— Учитель, прошу, верните его мне...

Видя его жалкий вид, Мастер Цинфэн почувствовал укол жалости. Ладно, стоит ли спорить из-за пустяка?

Он встал, поместил существо в нефритовый сосуд и, обернувшись, холодно произнес:

— Раз тебе нужен духовный зверь, завтра я поймаю для тебя другого.

— ...Благодарю, учитель, — Ци Шуан понуро опустил голову. Он умел читать обстановку, а сейчас наставник был явно не в духе, и испытывать его терпение не стоило.

— Лежи спокойно. Я наложу лекарство.

Из прозрачного стеклянного флакона цвета морской волны густая жидкость медленно капала на кровоточащую рану на животе. Алая полоса на белоснежной коже выглядела пугающе. Мастер Цинфэн невольно разозлился еще сильнее, из-за чего нажал чуть сильнее, заставив Ци Шуана глухо застонать.

Этот тихий стон отозвался в его сердце, словно искра, вызвав жар.

Он больше не мог ждать: перевернув флакон, он вылил остатки лекарства и тщательно покрыл ими все раны.

— Будет немного больно... Шуан-эр, терпи. — Не успел он договорить, как молниеносно приподнял Ци Шуана и приложил ладонь к его спине.

Мощная энергия хлынула в тело юноши, заставляя лекарство действовать. Когда плоть начала стремительно срастаться, возникла невыносимая боль. Ци Шуан не выдержал и, всхлиывая, закричал:

— Учитель, хватит... остановитесь, так больно!

Но в ответ прозвучал ледяной, безжалостный голос, отвергший мольбы:

— Нельзя.

Пальцы Ци Шуана дрожали, впиваясь в мягкое одеяло. Мастер Цинфэн всегда вел суровый образ жизни: спал на ледяном нефритовом ложе, жил в местах с густой ци. Этот тихий дворик он выделил специально для Ци Шуана, обустроив его с особой заботой.

— Не можешь вытерпеть такую малость? Дальше будет еще больнее...

Мастер Цинфэн оставался бесстрастным, но в его глазах читалось нескрываемое удовольствие. Стоны ученика звучали для него как музыка.

Он подумал: если бы Ци Шуан обернулся сейчас, то увидел бы, что на лице его наставника не осталось и следа прежней отрешенности.

Это было лицо, полное вождения и жажды обладания, от которого становилось страшно. Ему хотелось прямо сейчас поглотить этого несмысленного и жалкого маленького ученика целиком.

Он больше не желал ждать, терпение было на исходе. Его не смущало сопротивление Ци Шуана, ведь он понимал: кто угодно на его месте испугался бы.

Мастер Цинфэн лишь немного жалел, что слишком рано сорвал маску притворства, напугав мальчишку.

— Ха-ха... Шуан-эр, ты сужден мне, — он вдруг тихо рассмеялся, и его благородное лицо исказилось.

Как мог Ци Шуан догадаться, что его могущественный и холодный, словно небожитель, учитель на самом деле — извращенный старый монстр?

Если кого и винить, так это собственную слепоту!

— Учитель... делает это ради тебя. Разве это так трудно принять? — он говорил то ли Ци Шуану, то ли самому себе.

Когда затянулся последний шрам, одежда Ци Шуана насквозь пропиталась холодным потом.

Видя, что юноша вот-вот упадет от изнеможения, Мастер Цинфэн подхватил его на руки.

Только в такие моменты Ци Шуан вел себя послушно и не вызывал гнева. Наставник медленно погладил его по боку — талия юноши была тонкой и удивительно гибкой.

Мягкий чистый платок коснулся лба Ци Шуана, вытирая пот.

Сильные пальцы незаметно подцепили пояс, и одним легким движением распахнули одежду.

— Остановитесь! — Ци Шуан почувствовал холод на животе и поспешно перехватил запястье наставника.

Кожа на ощупь оказалась ледяной, совсем не как у живого человека...

Ци Шуан в ужасе перевел дыхание.

Мастер Цинфэн приподнял бровь и, не спеша, развязал свой пояс.

— Учитель, учитель, послушайте меня! — внезапно крикнул Ци Шуан.

— Хорошо. Что ты хочешь сказать? — Мастер Цинфэн остановился, он всегда был терпелив с учеником. Он всегда жаждал, чтобы Ци Шуан говорил с ним больше.

Ци Шуан с досадой потер лоб, тяжело выдохнул и, в отчаянии взъерошив волосы, попытался вразумить наставника:

— Учитель, давайте без шуток, а? Если вам нужно парное совершенствование, вы всегда можете найти какую-нибудь фею или богиню. К чему прицепились к такому бездарю, как я?

Парное совершенствование, совершенствуй ты хоть арбуз!

Мастер Цинфэн тихо усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья:

— Мне нужен именно ты.

Его лицо мгновенно переменилось, и Ци Шуан, не успев среагировать, оказался прижат к кровати. Ладонь наставника, давящая на грудь, казалась тяжелее камня.

— Послушный ребенок, слушайся. Если ты станешь практиковать парное совершенствование со мной, твой прогресс будет стремительным, к тому же... — он мягко уговаривал отчаянно сопротивляющегося ученика, — тебе больше не придется страдать от болезней. Ты умный мальчик, должен понимать, что к чему.

Ци Шуан остро почувствовал скрытый смысл в его словах и холодно спросил:

— Что вы имеете в виду? Какие еще болезни?

Мастер Цинфэн усмехнулся:

— За несколько дней развлечений все забыл?

Он широко расставил пальцы, плотно прижимая их к белоснежной коже на груди юноши, его движения были двусмысленными:

— Ци Шуан, ты думаешь, если будешь до смерти отрицать, то перестанешь быть носителем Тела Инь-Ян, Возвращающего Сердце?

— Такой идеальный сосуд для совершенствования, как ты, встречается один на миллион, — небрежно заметил Мастер Цинфэн, с жалостью глядя на побелевшие губы Ци Шуана, которые выглядели как лепестки цветов, побитые ливнем.

— Не знаю, кто наложил на тебя печать... Она оберегала тебя все эти десять с лишним лет. Поистине мастерская работа... даже я чуть было не ошибся. — На его губах играла легкая улыбка — улыбка человека, который уже держит добычу в руках, в ней было что-то зловещее и притягательное. Сейчас он был в даосском одеянии Секты Сюаньцан, на первый взгляд — холодный и воздержанный небожитель, но распахнутый ворот, открывающий крепкое тело, придавал ему некую демоническую порочность.

— Жаль, что даже самая сильная печать когда-нибудь теряет силу. — Мастер Цинфэн чувствовал отчетливое сердцебиение под своей ладонью.

Это приносило ему такое удовольствие, будто он держал в руках саму жизнь Ци Шуана.

— Если я не ошибаюсь, в последнее время ты часто чувствуешь слабость и боль во всем теле, и даже пилюли не помогают. В тяжелые дни ты даже ходить не можешь. Это неизбежно, когда сосуд созревает.

— Не бойся... после парного совершенствования все пройдет. Мы с тобой учитель и ученик, это само собой разумеется.

— Ты... зверь! — Ци Шуан стиснул зубы, чувствуя, как леденеет кровь.

Мастер Цинфэн поднял голову, расплылся в улыбке и легко коснулся губами груди Ци Шуана.

— Наедине с тобой я действительно зверь, — прошептал он. Его маленький ученик был идеальным сосудом, но он ценил его не только за это. Была и более глубокая причина, о которой он не собирался рассказывать. Да и что толку? Разве Ци Шуан стал бы после этого послушно исполнять его волю?

Конечно, нет.

Ци Шуан холодно усмехнулся:

— Лучше убей меня — если я выживу, то сделаю все, чтобы ты лишился доброго имени!

Мастер Цинфэн лишь отмахнулся, еще нежнее глядя на бьющегося в силках зверька:

— Шуан-эр, можешь пробовать. Можешь жаловаться главе секты, можешь объявить об этом всему миру, посмотрим, кто поверит твоим словам.

Он неспешно, вещь за вещью, снимал одежду с Ци Шуана, обнажая горячее гибкое тело.

Ци Шуан отчаянно сопротивлялся, его лицо посинело, он прокричал:

— Активировать блокировку пяти чувств! Быстрее!

Мастер Цинфэн слегка нахмурился, не понимая, о чем говорит Ци Шуан. Какое-то заклинание для блокировки чувств? Но он же вообще не мог владеть такой техникой!

Нефритовый сосуд на столе яростно затрясся, раздался хруст, полетели осколки, и мягкое серое существо с пронзительным визгом бросилось на Ци Шуана!

Мастер Цинфэн небрежно взмахнул рукой — порыв ветра отшвырнул зверька, тот шлепнулся о стену и безвольно сполз вниз.

— Нет! — лицо Ци Шуана изменилось, он вырвался из объятий наставника и побежал поднять его.

— Брось его и иди сюда. Иначе я прямо сейчас прикончу эту тварь. — Мастер Цинфэн потерял терпение, его голос стал ледяным.

Ци Шуан, стоя спиной к наставнику, прижал зверька к груди, и тот мгновенно исчез.

Он глубоко вздохнул и обернулся, его взгляд был полон скорби:

— Учитель... ради того, что я называю вас учителем... не поступайте так со мной.

— Нет.

Мастер Цинфэн откинул белые волосы за плечо и беспомощно покачал головой:

— Если я не лишу тебя девственности сейчас, в будущем приступы будут в сотни и тысячи раз больнее... ты не вынесешь.

Ци Шуан ответил:

— Но я не хочу.

— Глупый ребенок. У тебя разве есть выбор? — Мастер Цинфэн, небрежно накинув халат, с распушенными белыми волосами сошел с кровати и направился к нему.

— Знаешь ли ты, насколько ты драгоценен? Тело Инь-Ян, Возвращающее Сердце, превосходит все остальные. Союз с ним не только дает колоссальный прирост мастерства, но и питает Первородный дух. Кто не захотел бы заполучить такой сосуд?

Он тяжело вздохнул и протянул руку к Ци Шуану — его ладонь была сухой и бледной, покрытой мозолями от меча.

Было еще кое-что, о чем он не собирался говорить.

Как он мог признаться, что когда-то был холоден как снег, равнодушен к миру и стремился лишь к постижению Дао? С его точки зрения, у всего в мире есть свои законы: люди едят куриц и свиней, а хищники едят людей. Это просто цикл перерождений. Его наставник, Старец Тяньинь, называл его одаренным, но с сердцем из камня. Его не волновало мнение учителя — это было неважно. Его целью было лишь сбросить оковы смертной плоти и превзойти мирское.

Поэтому, даже если бы гигантский питон проглотил ребенка на его глазах, он бы лишь равнодушно отвернулся и ушел.

Тот ребенок был проглочен наполовину, его личико посинело, он отчаянно тянул к нему руки и кричал: Бессмертный, спаси меня!

Он нахмурился, остановился и холодно произнес:

— У всего сущего свой путь. Если я спасу тебя, питон может умереть с голоду, а это тоже жизнь.

Ребенок выкрикнул проклятия, которые полоснули его по сердцу, словно лезвие:

— Тьфу! Какой ты бессмертный! Вы, лицемеры, что стоят выше всех — хладнокровные твари!

— Видишь смерть и не спасаешь... ты не достоин стать бессмертным! Ты сдохнешь в муках! Папа! Мама!

Хриплый, полный отчаяния детский крик постепенно затих.

Хладнокровная тварь...

Значит, в глазах других он именно такой?

В тот же миг меч покинул ножны, блеснув, словно осенняя вода, и в одно мгновение разрубил безумного питона. Он почувствовал, как горячая кровь прилила к сердцу, заставляя его, не заботясь о грязи, подхватить ребенка. Спасенный малыш в слезах уткнулся ему в грудь, и горячие слезы пропитали его одежду.

Его сердце, замерзшее долгие годы, начало оттаивать.

После этого он хотел вернуть ребенка домой, но обнаружил, что вся деревня погибла в пасти

чудовищ. Он закрыл ребенку глаза и солгал, что родители доверили его ему, забрал его в Секту Сюаньцан, хранил молчание долгие годы и не позволял спускаться с горы, отговариваясь тем, что бессмертным и смертным не по пути.

Да, он солгал. Все думали, что он взял этого бездаря из чувства долга, даже старший ученик так считал. Только он сам знал, что это лишь тщательно выстроенная иллюзия.

Он не был строг к Ци Шуану в учебе, позволял ему играть и радоваться жизни.

Малыш вырос под его присмотром, став озорным и странным, часто вытворяя забавные вещи. Но одновременно он обнаружил необычное в этом ребенке — он был редчайшим сосудом, на который наложили печать!

Тело Инь-Ян, Возвращающего Сердце, могло преобразовать любую технику и через парное совершенствование передать ее практикующему, причем в более чистом виде. Даже враждующие энергии Будды и Демонов могли быть очищены сосудом и стать чистой духовной силой. К тому же, это питало Первородный дух и очищало сознание, предотвращая появление Демона сердца.

А еще прекраснее было то, что такой сосуд непременно обладал редчайшим даром.

Можно было представить, сколько людей сошли бы с ума, узнав об этом.

У Ци Шуана не было сил защитить себя — во-первых, посредственные способности, во-вторых, он сам не обучал его сложным техникам. Он хотел, чтобы старший ученик унаследовал мастерство, а младшего — просто баловал.

Увы, все пошло не по плану.

Тело Инь-Ян, Возвращающего Сердце, отличалось от других сосудов тем, что если не лишить его девственности в момент созревания, то позже возникнут болезни, а жизнь сосуда значительно сократится. Можно сказать, у него не было выбора.

Хуже всего было то, что он почувствовал признаки собственного вхождения в состояние демона, его характер становился все более жестоким.

Если не найти способ исправить это, он неизбежно падет на путь зла.

Он не хотел причинять вред Ци Шуану, но выбора больше не было. Лучше он возьмет на себя роль злодея, чем Ци Шуан окажется в руках других и будет растоптан в пыль.

Даже если Ци Шуан возненавидит его, он готов был принять это, лишь бы сохранить ребенка.

Лучшего пути не было.

— Ненавидь меня, учитель не против... — он прижал Ци Шуана к кровати и навалился сверху.

— Ты пожалеешь... — губы Ци Шуана дрожали, он закрыл глаза, впиваясь пальцами в одеяло.

...

Черные и белые волосы переплелись в полумраке, где ничего нельзя было разобрать. Тихий, сладкий плач и хриплые вздохи в порыве страсти — каждый звук манил и будил Демона сердца.

Что происходило за колышущимся красным пологом, гость уже понял.

— Вот оно как. — На его губах заиграла ироничная усмешка, он осторожно покинул дворик и, встав на меч, улетел.

Лю Лянь медленно открыл глаза, с трудом шевеля пальцами.

Ирония заключалась в том, что после ночных мучений он не чувствовал ни капли усталости, а его сознание было на удивление ясным.

Казалось, он впитал некую силу, которая изменила его тело.

Он открыл рот, но слова застряли в горле. Бледная ладонь закрыла глаза, в душе было невыносимо горько.

Но не пролилось ни слезинки.

Он не стал вставать, потому что под одеялом его тело было обнажено.

Система возникла из его сердца и присела на край одеяла.

— П-прости... — заплакала Система.

<http://bllate.org/book/21647/2233951>